

ТРИ ИНТЕРВЬЮ С МОИМ ПОКОЛЕНИЕМ (Е.И. ХАН, И.А. ВОРОНЦОВ, М.Ю. ФРУНКИН)¹

Д.О. Аронсон
Институт философии РАН

Аннотация: *Получив предложение написать о философах своего поколения, я не нашёл ничего лучше, чем взять интервью у трех моих друзей, которых я воспринимаю как философов. Я составил список из семи вопросов и разослал их интервьюируемым, слегка скорректировав с учетом своего представления об особенностях каждого. Получив письменные ответы, я в некоторых случаях вторично скорректировал вопросы, чтобы они лучше сочетались с репликами интервьюируемых, и согласовал с ними итоговый результат. Уже после этого было написано вступительное эссе, к которому тем самым следует относиться как к рефлексии post factum.*

Ключевые слова: *философия, поколение Y, любовь, университет, авторитет, взросление, Гегель, педагогика.*

Одно из пониманий «поколения» задается символической структурой родства. Братья и сестры по определению принадлежат к поколению, следующему за поколением их родителей, которое следует за поколением дедов и бабок. В этом смысле понятие поколения используется в Ветхом Завете: «Я, Господь, твой Бог – ревнивый Бог, наказывающий детей за грехи отцов до третьего и четвертого поколения» (Исх. 20: 5). Принадлежность двух индивидов к одному и тому же поколению определяется здесь не возрастом, а общим положением на горизонтальном срезе родового древа. Члены разных родов могут составить поколение в том случае, если породнятся через брак – свой собственный либо братьев и сестер.

Другое понятие поколения социологическое: оно объединяет неопределенное множество индивидов в зависимости от их возраста, в то время как значение родственных связей сводится к абстрактной принадлежности к нации или роду человеческому. В этом смысле говорят о поколениях X, Y, Z...

Первое понятие поколения можно назвать архаическим, второе – современным; первое имманентно структуре родства, второе предполагает трансцендентального наблюдателя, вроде статистической службы, для которой поколения существуют как сектора на графике, распределяющем население по возрасту. Ни то, ни другое понятие не абстрактно: первое получает наличное бытие посредством ритуализированных отношений между старшими и младшими членами семьи, второе – посредством массовой культуры и биополитических институ-

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1102–1119.

тов государства. Поэтому в действительной ткани общественного бытия оба значения «поколения» сосуществуют. Работодатель, чиновник и педагог принимают во внимание возрастную группу индивида. Но родитель и наставник придают значение родству – кровному или культурному. В то же время не следует думать, что речь здесь идет о двух совершенно различных вещах, лишь по случайности называющихся одним и тем же словом. Поколение, как социологическое, так и генеалогическое, всегда находится в отношении хотя бы с одним другим поколением. Младшее поколение выходит из-под опеки старшего. Когда Кант говорит о мужестве пользоваться собственным рассудком и о выходе из несовершеннолетия, он надеется на способность своей аудитории стать первым в истории философствующим *поколением* (в противоположность философам-одиночкам, которые существовали и раньше). Как и в кантовском эссе, в трех нижеприведенных интервью речь не идет о поколении как таковым. Однако поколенческое самосознание моих интервьюируемых затрагивается косвенно, когда я спрашиваю об их философских наставниках и об их отношении к академии, т. е. к той институции, которую современное государство ставит опекуном над философом. Читатель без труда заметит, что это отношение у моих интервьюируемых очень разное; предположу, что втроем они охватывают значительную часть спектра возможных мнений.

Не только понятие поколения, но и понятие «философский» многозначно. С одной стороны, философской является речь того, кто получил позицию философа, поскольку овладел определенной грамматикой, логикой и риторикой, например специальной терминологией, актуальными методами рассуждения, культурой цитирования. С другой стороны, философская речь – полная противоположность всему этому, маргинальный дискурс, который не имеет позиции в обществе и ищет для себя собственные рамки. Как и в первом случае, не следует думать, что речь идет о двух совершенно разных понятиях. Философ есть одновременно Аристотель и Диоген, знаток и дилетант, уважаемый основоположник канона и скандальный провокатор. Разумеется, каждый отдельный философ может быть ближе к первому или ко второму: среди трех моих героев Катя наиболее близка к «уважаемому» полюсу, Михаил – к «провокационному», тогда как позиция Игоря располагается где-то посередине. (Сходным образом различается и их институциональное положение: Катя занимается философией профессионально, Игорь преподает физику, математику и информатику, Михаил не работает в системе высшего образования.) Вместе с тем философствование предполагает постоянное движение между двумя этими полюсами. Это движение очень трудно продемонстрировать в формате интервью, которое, как и любой текст, представляет собой только синхронический срез мыслительного процесса. Однако хочется верить, что сами различия между тремя беседами и порядок, в котором они следуют друг за другом, показывают одно из возможных направлений движения.

В известной мере движение философской мысли – это такая работа с понятиями, которая позволяет удерживать их многозначность. Так, двусмысленность «поколения» и «философского» можно понимать как гегелевское противоречие или как делезовскую парадоксальность, избыточность смысла. Приняв первый подход, можно было бы прийти к выводу, что социологическое понятие поколения, объединяющее множество анонимных индивидов, отрицает генеалогическое понятие, устанавливающее отношения между членами конкретного рода или родов, и что нужно искать такую форму наличного бытия поколения, в которой происходило бы снятие этих двух противоположностей. Во втором случае можно было бы заключить, что амбивалентность понятия поколения указывает на сложность самой связанной с ним социальной реальности и что любое гладкое и законченное суждение о поколении неизбежно завуалировало бы эту сложность. Работая над интервью, я ограничился тем, чтобы показать существующие противоположности. Тот или иной способ философского рассмотрения этих противоположностей может дать ответ на вопрос об их смысле и о вызвавших их причинах, но в самих интервью этого ответа нет.

**«Ближайшее порой труднее всего разглядеть»
(Е.И. Хан, НИУ «Высшая школа экономики»,
Российский университет дружбы народов)**

Почему ты сейчас занимаешься философией?

Думаю, что занимаюсь философией в академическом смысле (участвую в семинарах, хожу на лекции, сама веду занятия, читаю и перевожу и т. п.) я потому, что это занятие чрезвычайно увлекательно и, можно сказать, душеполезно. Хотя легко представить себе, как это может со стороны показаться бесполезным сотрясанием воздуха и бумагомаранием... думаю, мне это позволяет уклоняться от скоропалительных ответов на многие вопросы, в которых, казалось бы, требовалось занять позицию – например, склониться в сторону идеализма или в сторону материализма, поддерживать либеральные ценности или быть консерватором, видеть в технологическом прогрессе потенциал освобождения или же, наоборот, тотальность контроля. в общем, вот это вот всё, что уже в XX веке было вполне себе демонтировано и деконструировано. Это, конечно, не софистические уловки класса «Вы уже перестали пить коньяк по утрам?», но тоже вопросы с подвохом.

Я знаю, что ты интересуешься феноменологией. Какое значение она для тебя имеет?

Феноменология помогает не пытаться играть в ложные идентичности и быть внимательной в рефлексивных практиках.

У тебя есть идея, которая для тебя особенно важна?

Навязчивыми идеями стараюсь не страдать, а так. пожалуй, мне нравится думать о следах времени. В мире, в общем и целом, нарастающей энтропии люди сопротивляются ей как умеют, что-то строить пытаются – и даже что-то выходит, ни шатко ни валко, но кое-как. Мы вроде как безопасно летаем в космос, но у нас по-прежнему случаются бытовые аварии, по-прежнему горят библиотеки. Можно видеть в этом трагедии, но можно обнаружить и большой интерес. Люди оставляют следы, чтобы их разгадывать. И в этих следах – как большого ума, так и чрезвычайной глупости – есть свое очарование, такое вот «нарэ» японское, патина времени.

Ты имеешь в виду, что нельзя однозначно говорить, что нарастающий беспорядок – это что-то плохое?

Скорее речь о том, что в неупорядоченности и незавершенности заключается естественная красота видимого мира, мира, обремененного перспективой нашего конечного существования. Иными словами, вернуться назад к вещам и позволить им быть означало бы для меня не вернуться к умозрительной идее, к прообразу вещи как таковой, а видеть и разгадывать генеалогию фактичности. И тогда становится ясно, что беспорядок и порядок – это такие мегаломанические трансцендентальные установки. А один-единственный черепок какого-нибудь старинного глиняного горшка хранит в себе иссохшее море разных историй. Можно вспомнить концепцию «насыщенных феноменов» Ж.-Л. Мариона и, отказываясь от теологической нагруженности, занять дистанцию и увидеть вдруг эту насыщенность не только в феноменах божественного, не только в иконе, не только в лице – но и в прозе быта, в разорванной струне, в обглоданной кости.

Кто повлиял на твоё мышление?

Много кто! Начиная с родителей и учителей, заканчивая любимыми мертвыми философами. Я думаю, что очень сильное впечатление на меня оказало чтение лекций Фуко и тексты Мориса Мерло-Понти – хорошо помню, как первый раз читала «Око и дух», и это воспринималось как что-то зачарованное. По внутренним ощущениям я до вдумчивого чтения «Бытия и времени» и я после – это тоже не то чтобы два разных человека, но всё-таки что-то всколыхнулось, какое-то, если угодно, расположение к миру и озабоченность тем, что вещи – это не штуки какие-то протяженные и увешанные атрибутами, как елки в гирляндах разноцветных. Это то, что имеет место быть, что присутствует так или иначе, что ближайшее по-

рой труднее всего разглядеть, а пребывать в «падении», или в *mauvaise foi*, выражаясь уже сартровским языком – комфортно весьма.

Если говорить о наставниках в философии во плоти, то я бы хотела вспомнить первого лицейского преподавателя, благодаря которому я стала в 10-м классе читать Платона, Фуко и Кропоткина, а в 11-м классе даже пыталась самостоятельно освоить лекции Гуссерля по феноменологии внутреннего сознания времени – это все случилось благодаря Андрею Николаевичу Мирошниченко, который тогда преподавал обществознание в Лицее БГУ и только готовился защищать кандидатскую.

Очень повлияли многие преподаватели, у многих продолжаю учиться до сих пор. У Инны Михайловны Наливайко научилась вниманию к повседневности, чуткости к звучанию мысли философа – она вела у меня прекрасный курс по эстетике и познакомила с Одоевским, которого незаслуженно редко читают что на уроках литературы, что в рамках философских курсов.

Не устаю удивляться остроте и строгости мысли Петра Владиславовича Резвых и по возможности учусь у него работе с текстом, с переводом, с пониманием сложных интеллектуальных построений. Анна Владимировна Ямпольская впечатляет строгостью и таким вот очень правильным «буквоедством», когда речь заходит о переводе. И очень важный человек для меня – мой научный руководитель, Георгий Игоревич Чернавин, конечно же!

Ты участвуешь в каких-нибудь философских сообществах или проектах?

Есть несколько философских сообществ / проектов / лабораторий, где я так или иначе принимаю участие. В Вышке это НИГ «Феноменология и герменевтика» и «Герменевтический кружок», в РГГУ – семинары ЦФФ (центра феноменологической философии), в МГУ – лаборатория по философской антропологии В. Руднева... и, конечно, мои любимые семинары в «Лаборатории ненужных вещей». Нахожу интересных людей, какие-то разные пути и ценные диалоги. Все наши встречи, семинары – это что-то про вольночтение и вольнослушание, когда люди собираются не потому, что так велит институциональный порядок, а потому, что им интересно вместе.

Когда я спросил, кто на тебя повлиял, ты назвала немало старших коллег и даже сказала о «наставниках во плоти». Ты чувствуешь давление со стороны более статусных философов?

Чувствую, конечно, что я гораздо меньше эрудирована, чем старшие коллеги, что меньше знаю и помню, не так тщательно обдумывала какое-то рассуждение. Но это вызывает скорее уважение – и желание учиться дальше, а не воспринимается как давление. Давление – это когда начинаются *argumentum ad verecundiam*, но я в таких случаях точно не страдаю лишней скромностью.

Что ты думаешь про современную академию, походит ли ее устройство для философии?

Мне кажется, если говорить об университетской среде, то она все больше и больше ориентируется на количественные показатели оценки эффективности – все вот эти индексы цитирования, квартили журналов, в которых публикуешься, и так далее. Это к философии имеет весьма отдаленное отношение, но менеджеры всегда, кажется, любили «экономии мышления» в самом что ни на есть примитивном смысле слова. Система оценивания, которая хороша для ряда естественных наук, где проводится много эмпирических исследований, где важно обновлять данные, следить за публикациями коллег и двигаться в ногу со временем, в случае с философами оказывается довольно неповоротливой. К тому же многие жалуются на то, что современная академия – это такая машина по производству кадров, и перегруженность многих философов преподаванием тоже чревата тем, что кто-то, может, и написал бы прекрасную монографию – но без ухода в творческий отпуск это очень трудно сделать. Переход на онлайн, мне кажется, не слишком страшен для философов, хотя я не в восторге от онлайн-семинаров.

Ты считаешь, все это сказывается на уровне современной философии?

Не берусь судить, мне кажется, что «средние показатели по больнице» это всегда что-то довольно сомнительное.

Гегель или Делез?

Оба – мыслители с большой буквы для меня; в отношении обоих мои познания весьма скромные. По-французски я читаю гораздо лучше, и мне нравится декалькомания, так что Делёз как-то ближе. Есть интуиция, что конфликты и линии в понимании Делёза более чутко описывают мышиную возню нашего мышления, чем триумфальная диалектика, и что его биологические «метафоры» очень прозорливы. Наверное, они даже не были еще толком усвоены.

Хотя, может, «правильный» ответ – слабая дизъюнкция?

***«Интерес к религиям сменился на интерес к философии,
потому что религии не дают настоящих знаний и истины»
(И.А. Воронцов, Московский физико-технический институт)***

Почему ты сейчас занимаешься философией?

Мне хорошо знакомо то, что Спиноза описывал как интеллектуальную любовь к Богу – такое погружение в философию, когда она вытесняет все остальные страсти и создает очень хорошее фоновое состояние в жизни – осмысленное, наполненное счастьем и радостью познания. То есть, чтобы быть счастливым, кроме философских занятий и отсутствия нужды, страданий, больше ничего не нужно. Я хочу внести какой-то положительный вклад в развитие философии, чтобы люди смогли лучше понимать мир и структурировать свое мышление.

Ты упомянул про интеллектуальную любовь к Богу. Значит ли это, что для тебя философия связана с религией?

Сейчас я бы скорее сказал, что нет, но так было не всегда. На 5-м курсе МФТИ у меня был острый психоз с онейроидом, который, к счастью, закончился без серьезных последствий (диагноз поставили легкий, после выписки из больницы полгода пил таблетки, а потом психотическое состояние не возвращалось). Сам психоз был вызван, видимо, сочетанием факторов. Во-первых, в Москве был смог, и я мог отравиться дымом. Во-вторых, активно читал Гегеля, впервые познавал его философию, соединял ее со своими мыслями по поводу интерпретаций квантовой теории, общей теории относительности, пытался соединить всё со всем сразу, и было переутомление. За пару недель до психоза внезапно ощутил, что понял «Науку логики» Гегеля, и его язык вдруг стал совершенно понятным, всё вдруг сложилось в такую простую и ясную картину, у самого мысли крутились языком переводов Гегеля на русский. Это ощущение озарения, внезапного понимания, такого просветления вызвало сильное эмоциональное возбуждение, из-за которого очень мало спал и ел две недели подряд, часто смеялся и беспричинно радовался.

После этой болезни философией какое-то время не занимался, вместо этого было обращение к христианству (через 3 года после болезни). Дело в том, что мой онейроид состоял из огромного количества ситуаций, в которых надо было проходить те или иные демонические испытания, ловушки или пытки. Первые сутки онейроида я бродил по улицам и испытания демонов были больше похожи на ловушки. Единственный способ выбраться заключался в том, чтобы доверять интуициям своей совести, а рациональный анализ происходящего только запутывал ситуацию. Потом я семь суток еще был в онейроиде, привязанный к кровати в больнице, и там онейроид состоял из ада, в котором меня всё время пытали (с перерывами на сон), чтобы заставить перейти на «темную сторону». Закончился ад приходом Иисуса с апостолами, после чего демонов больше не было, а последняя галлюцинация – это черный свиток с молитвой, который я читал пару дней, а потом он исчез. После того как он исчез, вернулась тут же ясность сознания, и я сразу отлично понял, что со мной происходило и где

я нахожусь. Психотические симптомы тут же исчезли, но были нарушения концентрации внимания, слабость, возбужденные состояния, от чего меня лечили затем.

Но потом вера стала сменяться интеллектуальными поисками, и интерес к религиям сменился на интерес к философии, потому что религии не дают настоящих знаний и истины.

Ты описал очень экстремальный опыт. Каким образом получилось, что после него ты пришел именно к философии и разочаровался в религии?

Я много эпистемологических наблюдений оттуда вынес. Например, в онейроиде происходящее было намного ярче обычного бодрствующего состояния, как бодрствование ярче сна. И запомнилось на всю жизнь очень много с того времени, никакое время в жизни столько воспоминаний не оставило. Там были такие вещи, как феномен ложной очевидности и ложных озарений – когда что-то вдруг кажется ясным и несомненным, в это ты непоколебимо веришь, без всяких сомнений, но это просто бред. Или вот апофения – видишь огромное количество скрытых связей в случайных наборах событий или чего-либо.

Я понял, что состояние сна не так отличается от бодрости, как обычно думают. Да, сновидение обычно менее четкое, но реальностью оно не является вовсе не поэтому. Галлюцинации, скажем, могут быть даже более четкими, чем образы, которые видишь наяву. Дело тут в другом: ощущение во сне есть скорее не восприятие, а наблюдение сознания: образы формируются в тот самый момент, когда обращаешь на них внимание. Обнаружить это можно, только если во сне осознать, что спишь. Это было очень интересное наблюдение, но еще более интересным оказалось, когда я попробовал применить этот опыт анализа не во сне, а в реальности. Поразительно, но я обнаружил, что состояние бодрствования принципиально не отличается ничем, при бодрствовании всё работает точно так же, как и во сне, в котором не подозреваешь, что спишь. И в режиме бодрствования удалось ощутить себя также, как будто я нахожусь в осознанном сне, и заметить, отследить тот же самый эффект. Получается, что сознание вообще не является восприятием – оно является наблюдением за восприятием. И когда мы думаем, что видим в сознании мир вокруг себя – это самообман, вызванный существованием в нашем сознании ложной идеи о том, что мы на самом деле видим (точно так же, как во сне, в котором не осознаешь, что ты во сне, не замечаешь, что обстановка внутри сна совершенно нечеткая и у многих объектов просто нет никаких деталей, пока не обратишь на них внимание). Аналогично, думаю, и мышление в сознании – оно не является ни мышлением, ни непосредственным восприятием мышления, а наблюдением за мышлением. То, что мы думаем, что думаем, – это только то, что мы наблюдаем. На самом деле мозг думает гораздо больше, но большинство этих мыслей остаются неосознанными.

Можно ли сказать, что в момент озарения мы осознаем те мысли, которые были у нас еще до озарения?

Думаю, так и есть. Причем мы не просто осознаем, но и связываем между собой мысли, которые до этого были разрозненными. Когда решаешь творческую задачу или думаешь над философским вопросом, часто решение предстает как смена «линейного» понимания на «пространственное». Сначала ты проверяешь разные мысли, идеи, логически последовательно идешь от одного к другому, перебираешь гипотезы, а затем это сменяется каким-то полем, в котором внезапно схватываешь всю обстановку целиком и появляется новая идея. При этом работает это обычно тогда, когда в поисках решения пытаешься выходить за рамки понятий, используешь предельно общие категории или как-то рассматриваешь всё с какого-то предельно обобщенного ракурса.

Но как тогда отличить подлинное озарение от ложного? Не получается ли, что всё, что мы знаем, ничем не лучше сновидения?

Если придерживаться однобокого сенсуализма, то действительно можно прийти к такому выводу. Но ведь смысл вещи не исчерпывается ее феноменальным переживанием, как и смысл мысли не исчерпывается ее сознаваемым содержанием. Каждую мысль нужно рассматривать амбивалентно, в каком-то соотношении с ее противоположностью. В физике

это проявляется в круговых определениях. Например, если сказать, что плотность – это густота расположения массы, а масса – это произведение плотности на объем, то получается цикл в определении, ни плотности, ни массы на самом деле мы не определили, но всё равно получилось понятнее, чем было до этого. Из этого феномена я сделал вывод для себя, что смысл – это движение уменьшения амбивалентности. Смысла нет, когда амбивалентности нет, но и когда две противоположности наличествуют в равной степени, его тоже нет. Смысл – это само вот это движение, когда вместо равного представления двух противоположностей высвечивается какая-то асимметрия. Уловить смысл – значит суметь воспроизвести это движение. Иными словами, смысл постигается в практике и именно практика различает сон и бодрствование, ложное озарение и подлинное.

То, что ты говоришь, напоминает Гегеля. Я знаю, что ты считаешь его идеи важными, в том числе педагогически. Что такое смысл и как он усваивается – это вещи, о которых педагог должен задумываться?

Действительно, философия важна для меня еще и как источник педагогических идей. Это связано, во-первых, с тем, что я ушел в преподавание, чтобы зарабатывать на жизнь, а во-вторых, с моим личным опытом образования. В школе я примерно равномерно изучал множество предметов, в свободное время занимался шахматами. Учился просто потому, что было интересно, концентрировался на том, чтобы понять смысл написанного в учебниках, а не выполнять задания учителей (в итоге до 10-го класса оценки были не очень). За пределами школьной программы почти ничего не изучал. В отличие от подавляющего большинства школьников, я знал в основном ключевые понятия и умел анализировать определения. А другие дети вместо этого запоминали кучу алгоритмов действий и справочной информации, которую я помню гораздо хуже. Потом и в университете из-за такого подхода оценки по предметам у меня были не самые лучшие, зато хорошо получались олимпиады. Был некоторый момент триумфа, когда на межвузовской олимпиаде, проходившей в МФТИ, где складывались результаты по физике, механике и математике, я занял второе место среди всех российских студентов и третье место вообще. Я обратил внимание, что в МФТИ все вокруг меня знают хорошо обычно либо физику, либо математику, но сочетаний я почти не встречал, а я знал как-то всё равномерно, и для меня физика с математикой и даже информатикой – это одна и та же наука, я их не отделяю друг от друга и считаю неполноценным изучение одного без другого, так как они очень тесно взаимосвязаны. Диалектика помогает разобраться в таких взаимосвязях, с ней намного яснее представляю себе структуру всех понятий учебных курсов. Огромную пропасть между собой и другими студентами обнаружил на 4-м курсе – у нас началась философия, они совершенно не понимали, что происходит, большинство испытывали агрессивное неприятие – ничего не понимали, не были в состоянии вникнуть и высмеивали, считали всю философию бессмысленным бредом, а я к тому времени уже «Науку логики» прочитал и подобных сложностей не испытывал.

Занимаясь в дальнейшем репетиторством по трем предметам (физика, математика, информатика) и еще по большому количеству вузовских, а также преподаванием вычислительной математики, алгоритмов и структур данных (в МФТИ), физики (школа Интеллектуал), математического анализа (УрФу), информатики (СУНЦ УрФу), я много задумывался о том, как переделать обучение так, чтобы дети учились скорее подобно тому, как учился я, а не так, как обычно они учатся. А учатся, в моем понимании, они очень неэффективно – тратят кучу лет, но нет понимания базовых понятий в предметах их специализации, не могут самостоятельно делать даже самые простейшие выводы из тех или иных определений. Например, чтобы хорошо знать школьный курс алгебры и решать все задачи, надо хорошо усвоить где-то около 20 понятий. А дети обычно не усваивают ни одного, но выучивают сотни, иногда тысячи алгоритмов действий, которые еще и бесполезны (во-первых, они их забывают, во-вторых, не умеют применять в нестандартной обстановке, в других формулировках – в особенности это касается естественных наук, физики или химии; в-третьих – не нужно их знать,

чтобы всё это решать). При этом они не учатся реально полезным навыкам: определять понятия, выводить свойства из определений, рассуждать, доказывать, выводить что-либо на основе свойств, выделять существенные и несущественные свойства, классифицировать и т. п. Этому всему должна учить не только математика, но и физика, информатика, биология, химия, география, всё это есть во всех естественных науках. Как построить образование, в котором этому реально учили бы – полный ответ на этот вопрос с построением соответствующей методики, с моей точки зрения, можно найти только с помощью философии Гегеля и диалектического материализма. Также я считаю необходимым обучение категориальному аппарату – в науках он один и тот же, и нигде в школьных учебниках его ясно не определяют (что такое свойство, явление, закон и т. п.).

Какую свою идею ты считаешь главной?

Моя главная идея не оригинальна: она заключается в том, что главнейшая философская задача нашего времени – усвоить классическую философию и построить основы диалектического материализма. При этом вся диалектика Гегеля должна быть вытеснена в гносеологию, она не работает в исходном виде полностью ни в онтологии, ни в теории мышления, в них ее требуется серьезно переосмыслить и чем-то заменить. В онтологии необходимо построить «материалистическую диалектику», опираясь на осмысление научных данных и переработку гегелевской диалектики с учетом материализма. В основе онтологии должен быть принцип тождества противоположностей. Есть две противоположные эквивалентные перспективы – перспектива единой субстанции и перспектива ее множественных модусов. В первой перспективе все противоположности совпадают, во второй – они абсолютно несовместимы, но обе перспективы принципиально неотделимы друг от друга, образуя единое целое с помощью сложных структур соотношений субстанции, атрибутов и модусов, схематическое описание которых необходимо сделать в философии. Вижу много общего у этого с гомотопической теорией типов в математике и категорным подходом. Вообще я считаю, что ключевое значение имеет философия математики, а онтология должна заниматься только такими проблемами, которые необходимы для теории познания, какие-либо иные просто лишены смысла. В теории мышления нужно опираться на когнитивную психологию, информатику и т. п.

Кроме того, необходимо создать ясное изложение (с устранением ошибок) как диалектики, так и философии вообще. В этом изложении концепции должны вытекать одна из другой.

Кто повлиял на твоё мышление?

Большое количество философов и философствующих мыслителей (в основном физиков и математиков), которых читал. Из ныне живущих – в очень сильной степени повлиял Юрий Иванович Семёнов.

С кем ты больше всего общаешься на философские темы? Что эти люди дают тебе?

Общаюсь с разными людьми в Интернете. Больше всего отметил бы Даниила Аронсона, Сергея Труфанова, Константина Бородин, Артема Торопкина, Павла Кирикилицу. Дают многое – оценивают мои мысли, задают вопросы, знакомят с новыми для меня авторами, концепциями или идеями, высказывают собственные идеи. Нередко дают удачные формулировки.

Ты чувствуешь давление со стороны более статусных философов или ученых, в том числе давление их авторитета?

Совершенно не чувствую. Мое отношение к философии скорее близко к тому, как работают математики – я просто решаю ту или иную проблему, строю конструкции, проверяю их работоспособность. При этом множество мыслей, которые я обдумываю, поиском в Интернете или через историю философии мне не удастся обнаружить (часто нет ничего даже отдаленно похожего), поэтому чувствую себя довольно свободно (при занятиях математикой такого не получается – что ни придумаю нового, обычно проведя какую-то новую для себя,

неожиданную аналогию, можно поискать в Интернете, и оказывается, что это давно придумали, просто никогда этого не видел раньше).

Что ты думаешь про современную академию, подходит ли ее устройство для философии и науки?

Думаю, что не подходит.

Во-первых, узкая специализация, а философы должны ее преодолевать. Философ в какой-то степени должен быть специалистом в предмете, о котором философствует. Вместо этого многие современные философы скорее просто начитаны относительно мнений других философов по вопросам, которых не знают самих по себе, потому что эти вопросы так или иначе связаны с теми или иными науками. В СССР, например, «Капитал» Маркса изучали и исследовали многие философы, совершенно не считавшие нужным в достаточной степени овладеть экономической наукой. В наше же время во всем мире наблюдается подобное практически во всех областях.

Во-вторых, формат научных статей и публикаций плохо соответствует сути философии. Если речь идет об изучении наследия великих философов, то куда более уместными были бы методические пособия и интерпретации (вместо вопроса о том, как на самом деле думал Х о вопросе Y, куда интереснее вопрос, каков спектр интерпретаций того, что он написал). Если же речь идет о принципиально новых идеях, то форматом должны быть философские трактаты, а не статьи.

Сказывается ли это, на твой взгляд, на уровне современных философов?

Думаю, да. В философии, в отличие от прочих наук, результат – это не доказанные теоремы, установленные факты, законы и т. п., а само движение мысли. Поэтому прогресс в философии возможен лишь через достижение большей ясности, создание нового угла зрения, под которым не только видны новые объекты мысли, но лучше понятны старые. Работы многих нынешних философов скорее затуманивают простые вещи, тем самым работая не на прогресс философии, а на ее регресс. В особенности вызывает сожаление незнание, непонимание и даже игнорирование многими современными философами научного метода, математики, современных научных концепций.

Туманность – это не какая-то специфическая черта современной философии. Еще Гераклита называли темным...

Многие философы прошлого, по-видимому, писали довольно сложным языком потому, что писать те же самые идеи ясно было весьма опасно. В наше же время пишут так скорее оттого, что хотят показаться более умными, скрыть бессодержательность – впрочем, подобная беда характерна в той или иной степени в наше время для всех наук вообще. Например, в физике с математикой это приводит к избыточному размножению терминологических аппаратов. Цель этого в том, чтобы коллеги, занимающиеся смежной областью, не смогли объективно оценивать происходящее, а также в том, чтобы выдавать достижения других ученых за свои собственные, просто переписав уже сказанное другим языком. Философия, видимо, является как раз той сферой деятельности, которая способна это всё отрефлектировать и бороться с этим. Однако прискорбный факт состоит в том, что как раз именно философия и находится в авангарде этого процесса саморазрушения науки.

Гегель или Делёз?

Безусловно Гегель. Во-первых, Делёз не понял Гегеля и не усвоил его. Во-вторых, с Делёзом есть те же проблемы, о которых я только что говорил.

**«Любовь к философии есть, прежде всего,
стремление стать чемпионом»
(М.Ю. Фрункин, Индивидуальный предприниматель мышления)**

Почему ты сейчас занимаешься философией?

Правильнее было бы спросить, как я оказался захвачен философией. Часто говорят, что философия начинается с удивления. Но суждение «Уау! Любопытно, как такое может быть?» еще не есть философия. Философия начинается скорее со смятения в результате собственно-го же удивления касаясь несостыковки восприятия и суждения о нем. Философия обнаруживается в этом треугольнике и пытается обнаружить себя то ли в разгадке тайны бытия, то ли в познавательной способности субъекта, выносящего суждение.

Но я вижу, что как тайна бытия, так и гносеологические способности не являются первичными предметами философии, ибо философия начинается именно с несостыковки этих элементов. С нами что-то случается, и мы не просто реагируем на это каким-то образом, но мы всегда посредством суждения реагируем образом, совершенно инаковым природе случившегося. В чем же состоит эта несостыковка? Очевидно, в вербальном характере суждения, природа которого не обнаруживается нигде в природе, как бы тавтологично это ни звучало. Природа вербального знаменует тот самый зазор между бытием и сознанием, философия посредством прыжка от сознания обратно к бытию пытается провести третью линию, соединяющую сей зазор. Эта линия, очевидно, есть вектор «я + другой-как-собеседник». Поэтому, бесспорно, философия носит диалогический характер и возможна только в диалоге, где другой встает в позицию того самого собеседника, с помощью которого зашивается разрыв, порождающий ощущение фикции. Поэтому дело не просто в созерцательном опыте и не просто в удивленном суждении касаясь этого опыта, а в том, что это удивленное суждение мы всегда высказываем наличному или воображаемому собеседнику. Суждение не просто случается и потом проговаривается собеседнику, оно именно и случается посредством этого проговаривания. И даже когда мы попадаем в ситуацию монолога, который и конституирует бытие-к-смерти, даже в этом случае суждение оказывается монологично именно благодаря своей изначально диалогичной природе, отступая от которой субъект испытывает чувство необъективируемого ужаса. Даже в этом случае обнаруживается фикция, ибо монологичное суждение также содержит в себе собеседника, но только в качестве его отсутствия.

Получается, философу нужен именно фиктивный собеседник, потому что реальный собеседник не позволит зашить разрыв между бытием и сознанием, но будет постоянно возобновлять его своей грубой наличностью? С другой стороны, философия, которая терпит исключительно фиктивных собеседников, больше похожа на идеологию...

Философ встает перед проблемой «что же такое философия?» именно из-за невозможности сделать универсальный вывод, ввиду вновь и вновь обнаруживаемой несостыковки и фикции, описанной выше. Поэтому философия как теория неотделима от политического праксиса и художественного поэзиса как актуализации этой самой фикции как творческого акта, фундирующего подлинно человеческое в окружающей нас среде. Парадоксально, но философия становится идеологией именно тогда, когда игнорирует свою политическую и поэтическую составляющую.

Но как быть с университетской философией? Предполагается, что академическая речь нейтральна.

Я скептически отношусь к университетской философии. Изучая и преподавая иностранные языки, я пришел к выводу, что главное в освоении языка – это не постижение грамматики и не увеличение словарного запаса. Нужно, чтобы в твой жизненный мир входили слова из нового языка и чтобы они становились его keywords. Таких слов всегда ограниченное количество. Например, когда Шелдон (герой сериала «Теория большого взрыва». – Д. А.) учит Пенни физике, он для начала просит ее представить, как она идет по *πόλις*, выходит на *αγορά*, смотрит на небо и видит там *πλανήτες*. В новую философию нужно вводить точно так же, через ее основные понятия. Многие же философы, лекции которых я смотрю на Youtube, не вводят философские понятия в собственную речь, но рассказывают о них отстраненно или вообще пересказывают биографии. И у меня возникает вопрос: если вы не можете думать понятиями тех философов, про которых вы рассказываете и в которых считаете себя специали-

стами, то почему вы вообще считаете, что можете что-то о них компетентно говорить? Вы думаете, что понимаете этих философов, но вы понимаете их превратно. Чтобы их понимать, вы сами должны быть их уровня.

То, что ты говоришь, звучит очень строго. Ты ведь сам часто ссылаешься на рассуждения классических философов...

Сам я не академик, поэтому мне остается либо рассуждать обывательскими словами, либо мыслить понятиями, которые открылись мне в моем собственном философствовании и которые иногда, конечно, могут пересекаться с идеями других философов или вдохновляться ими. Моя критика университетских философов не в том, что они смеют что-то говорить про классиков, а в том, что они, с одной стороны, ставят себя в заведомо низшую позицию по сравнению с классиками, в позицию комментаторов, а с другой – они принимают в штыки любые попытки говорить с классическими философами на равных, с позиций дружбы. По моим наблюдениям, философствование слывет в компании университетских философов за дурной тон. Они с удовольствием будут рассуждать о том, что Хайдеггер имел в виду в том или другом отрывке, но как только пытаешься говорить с ними хайдеггеровскими понятиями, а не обсуждать его тексты или его личность, они не хотят тебя слушать. Я считаю, любишь какого-то философа – продолжай его дело, а не становись опекуном над его наследием.

С другой стороны, следует отдать должное университету за то, что, даже когда он гонит философию, он делает это от имени философии и тем самым хранит хотя бы ее имя. И остается надежда, что придут те, кто вдумается в имя, чтобы найти за ним мысль.

Я так понимаю, для тебя важно, чтобы философ был эмоционально вовлечен в свое дело?

Философия отличается от всех остальных сфер тем, что для того, чтобы стать чемпионом в этой сфере, не требуется специфического таланта, но только любовь к мудрости. В любой другой сфере нужен помимо любви еще и специфический талант. Например, я могу любить футбол, но не иметь специфического таланта футболиста, или я могу любить музыку, но не иметь специфического таланта музыканта, и так со всеми сферами.

Любовь к философии есть, прежде всего, стремление стать чемпионом (Адам как властитель над природой). В любой иной сфере есть внешние объективные критерии определения чемпионства. Философия – единственная сфера, в которой чемпионство достигается за счет соотнесения с внутренним субъективным критерием, который тем не менее обладает специфической объективной универсальностью, всеобщностью.

Единственный талант, который необходим для философа, – это владение грамматикой хотя бы одного языка, а это имеет любой человек, даже последний уличный гопник. То есть получается так, что в отличие от других сфер в философии все уравнивается универсальным талантом *language fluency*.

У тебя довольно необычное прошлое для философа. Ты не имеешь отношения не только к философской академии, но и вообще к системе высшего образования. Можешь в двух словах рассказать о своем жизненном пути?

С самого детства мне не повезло с учителями. В школе вместо учителей были авторитарные няньки. Мои родители были целиком поглощены хозяйством и нисколько не интересовались высокой культурой. Я рос в провинциальном поселении, и у меня не было никаких шансов быть достойно образованным. Но зато я еще в детстве очень глубоко понял, что такое ложь, насилие и борьба за власть. Очень многое на улицах решала спортивно-музыкальная культура. (Неудивительно, что в Греции гимнастическое и мусическое образование были основами основ.) Школа только калечила человеческий интеллект, и там нужно уже было залечь на дно, не дать себя загнать озлобленным авторитарным рабам, которые были очень трусливы по отношению к своему руководству, но очень смелы, когда требовалось втоптать в асфальт личность ученика.

Первые пять классов я был отличником. Закончил школу я троечником, понятно, что ни о каком высшем образовании я тогда не думал и в нормальный вуз не поступил. В то время я хотел стать рок-звездой и точно знал, что современная мне академсреда будет только отвлекать меня от миссии, которая в тот момент казалась мне священной. Вообще именно чувство священной миссии было присуще мне с ранней юности и именно на него институциональное образование никак не отвечало.

Ты испытываешь влияние авторитета более статусных философов? Я знаю, что ты много слушаешь лекции Анатолия Ахутина и Александра Смулянского.

Ахутин совмещает в себе и деревенское и городское, он и *raganus* и *urbanus* одновременно. Именно поэтому он мог бы стать связующим звеном между вечными реакционерами и вечными прогрессистами. Отсюда и рождается лозунг: «Ахутина вместо сами знаете кого».

Смулянский – это интеллеktуал своего собственного дивизиона. Это как в футболе есть высшая, первая и вторая лиги; вот и Смулянский – это высшая лига, но, похоже, он в ней один. Знаешь, есть выражения «православие либо смерть», «кошелек либо жизнь». Что-то похожее можно сказать об Александре: «Либо в среде мыслящих людей случается непостижимое чудо невиданного доселе прозрения, либо... Смулянский».

Гегель или Делёз?

Я заметил такую вещь: чем дольше ты читаешь Гегеля, тем больше ты его читаешь, диалектическая логика развертывания понятия как бы увлекает тебя в глубину его текстов. С Делёзом же наоборот, чем дольше ты его читаешь, тем меньше ты его читаешь. Поэтому, наверное, я пока слишком мало читаю Гегеля и слишком много читаю Делёза, чтобы ответить на этот вопрос.